

Константин Беклемышов

# **Под венец вместо монастыря**

Константин Беклемышов

**Под венец вместо монастыря**

«Автор»

2026

**Беклемышов К. Н.**

Под венец вместо монастыря / К. Н. Беклемышов — «Автор»,  
2026

Россия, начало XX века. Время заката великой империи, когда слово главы семьи было абсолютным законом. Юная Анна Максимовна по строгой отцовской воле вынуждена пойти под венец с нелюбимым человеком. Ей предстоит связать судьбу с чужаком, пока вокруг разворачивается величайшая катастрофа столетия: падение последнего царя, кровавые всполохи революции и беспощадные войны.

© Беклемышов К. Н., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 Лошадь с приданым.        | 5  |
| Глава 2 У колодца.                | 7  |
| Глава 3. Из Усят в Сафоново       | 10 |
| Глава 4 Усятская тоска.           | 12 |
| Глава 5 Каменное гнездо.          | 13 |
| Глава 6 Вечерние посиделки.       | 14 |
| Глава 7 Весть перед дорогой.      | 15 |
| Глава 8 Две вести.                | 16 |
| Глава 9 Братья.                   | 17 |
| Глава 10 Чужая радость.           | 18 |
| Глава 11 Год пятнадцатый.         | 19 |
| Глава 12 Сирота.                  | 20 |
| Глава 13 Возвращение.             | 22 |
| Глава 14 Смута.                   | 24 |
| Глава 15 Новые всходы.            | 26 |
| Гл                                | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# Константин Беклемышов

## Под венец вместо монастыря

### Глава 1 Лошадь с приданым.

Шум осенней ярмарки в селе Монастырском Кузнецкого уезда оглушал. К середине октября, когда первый санный путь еще только ожидали, а притоки Томи уже подернулись ледком, в Монастырское съехался весь уезд. Тайга и пашни дали добрый урожай, и теперь сибирские старожилы, кряхтя, развязывали тугие мошны. Над базарной площадью, зажатой между крепкими пятистенками и деревянной церковью, стоял плотный гул. Пахло сырой кожей, дегтем, кедровым орехом, сушеной рыбой и кониной.

Максим Иванович, степенный сибирский купец в тяжелом суконном кафтане, неторопливо пробирался сквозь толпу к конным рядам. Сапоги его, густо смазанные дегтем от дерзкой таежной грязи, глубоко увязали в колее. Кузнецкая земля была богатой, но упрямой. Здесь слабая скотина не выживала — конь требовался надежный, костистый, способный и плуг по глине тянуть, и в тайгу за кедром пойти.

У бревенчатой коновязи стоял Иван Петрович — мужик тертый, хитрый, из местных челдонов, чьи предки еще при воеводах в этих краях укоренились. Рядом с ним перебирал крепкими ногами приземистый, широкогрудый гнедой жеребец кузнецкой породы. Мощная шея, густая грива в репьях — настоящий таежный боец.

— Здорово бывал, Иван Петрович, — солидно, по-сибирски протяжно пробасил Максим Иванович, останавливаясь у воза. — Что за зверя из тайги вывел? Нешто продаешь, или так, перед волостным начальством похвалиться привел?

— И тебе не хворать, Максим Иванович, — отозвался тот, степенно, без суеты поправляя меховой картуз. — Коня не продаю — кусок жизни от сердца отрываю. Жеребец — чистый камышовый волк! В тайге не побежит, волка копытом забьет, в сугробе по грудь вывезет. Для хозяина — клад, а лодырю какому ни за какие тыщи не отдам.

Максим Иванович подошел ближе. По-сибирски, без лишних слов, он заглянул коню в пасть, проверил крепкие, широкие копыта, похлопал по крупу, налитому литой силой.

— Зубы хорошие, — согласился Максим Иванович, прищурив обветренные глаза. — Да только норовом, видать, крут. Кузнецкий упрямец. За такого буяна больше семидесяти рублей серебром в наш базарный день никто не выложит. Томские купцы и вовсе за тридцать меринов скупают.

Иван Петрович аж сплюнул на истоптанную землю.

— Семьдесят?! Да ты окстись, Иваныч! Мы в Монастырском, под боком у святого места стоим, а ты так Христа гневишь! Сто сорок — и то по знакомству, потому как из одного уезда. Мне мошна к спеху нужна. Сын у меня, Ванька, в полную силу вошел. Женить пора, новую заимку рубить надо, хозяйство от усадьбы отделять. Парнишка — кремень, медведя в одиночку брал, не пьющий, до работы злой. Ему баба нужна под стать, а не копеечный торг за коня.

Максим Иванович дрогнул бородой. Про Ивана Ивановича в волости худа не говорили — парень был справный, сильный, истинный сибиряк. А у самого Максима Ивановича дома Анютка засиделась. Деятнадцатый год — по здешним меркам девка на выданье, лицом бела, плечом широка, характер — чистый лед, ни под кого не гнется, а в руках любая работа спорится.

— Женить, говоришь? — Максим Иванович подошел ближе, так что их меховые воротники почти соприкоснулись. — Дело хозяйское. Нынче в Сибири без доброй хозяйки мужчине пропасть — тайга кругом. Да только где ты ему девку найдешь, чтоб и в мороз печь топила,

и со скотиной управлялась, и отцовское золото берегла? Моя вон, Анна Максимовна... Семь сундуков приданого соткала, амбары под замком держит. Сама как княгиня, а гордости — в меру, для доброго мужа.

Иван Петрович замер. Разговор о лошади мгновенно уступил место главному сибирскому расчету — крепости рода. В глазах старого челдона вспыхнул огонек.

— Анна Максимовна, говоришь? — протянул он, оценивающе глядя на крепкую фигуру Максима Ивановича. — Слышал. Строгая девка, настоящая кузнецкая кость. Моему Ваньке как раз такую и надо, чтоб его таяжную дурь ломала, да в доме порядок держала. Так что же мы, Монастырские, томским да б

Барнаульским кланяться будем? Зачем добрую кровь из уезда выпускать?

— И то верно, — медленно произнес Максим Иванович. — Твой гнедой, конечно, ста сорока не стоит. Но если мы дело к законному браку повернем... Если Анютка моя в твой дом войдет, так и конь этот, почитай, из одних рук в другие, родные, перейдет.

— Твоя правда, — ударил себя по полам кафтана Иван Петрович. — Давай так: за коня отдаешь мне восемьдесят пять рублей серебром. Но уговор святой — в следующее воскресенье я к тебе со сватами, с волостным старостой и с Иваном моим приезжаю. Руки за девку пожать, да сундуки осмотреть.

— Восемьдесят пять — ладно, по рукам! — отрезал Максим Иванович и протянул свою широкую, как лопата, ладонь. — Но конь сегодня же идет на мой двор. А в воскресенье жду. Пирог с тайменем прикажу испечь, настойку на кедровом орехе выставлю. Посидим, парня твоего послушаем, Анюте покажем.

Они с размаху ударили по рукам. Шум Монастырского базара словно отступил перед этой суровой, чисто сибирской сделкой. Жеребец глухо фыркнул, выпуская густой пар из ноздрей. Отцы, довольные уговором, зашагали к трактиру — обмыть покупку, которая так неожиданно определила судьбу их детей.

## Глава 2 У колодца.

Гладкий березовый ворот колодца, побелевший от времени и частых дождей, приятно холодил ладони, но Анна не выпускала из рук мокрую цепь. Вода внизу, глубокая и черная, казалась сейчас спокойнее ее собственного сердца. Начищенное до зеркального блеска ведро стояло на бревенчатом срубе, расплескивая капли на сухую траву, а девушка все смотрела вниз, словно надеялась разглядеть там спасение от неминуемой беды.

У парадного крыльца большого пятистенка слышался залиvistый хохот, звяканье богатой конской упряжи и зычные голоса. Приехали. Прикатили на сытых конях через всю Томскую губернию, радетели, выкупить ее девичью волю за серебряные рубли да городские шали. В Усятах все знали, что к Максиму сегодня везут сватов из самого Сафоново.

Тень упала на сруб внезапно. Анна не обернулась, но по тяжелому, с присвистом дыханию узнала отца. Максим остановился на шаг позади, оправляя по привычке праздничную шелковую рубаху, перехваченную узорным поясом. Его широкая борода, тронутая сединой, гневно подрагивала.

— Ты что ж это, девка, удумала? — негромко, но каменно процедил он, косясь в сторону избы. — Гости на крыльцо, а она у колодца прячется, как сирота казанская? Живо иди косу переплети да выходи кланяться. Не позорь меня перед людьми.

Анна сжала березовый край сруба так, что побелели пальцы.

— Не пойду я, тятя, — тихо, но твердо ответила она, не поднимая глаз. — Не мил мне их сынок. Сваты назад уедут, как приехали.

Максим шагнул ближе, схватил дочь за предплечье и резко развернул к себе. В его глазах полыхнула непривычная, злая жестокость.

— Сваты приехали — замуж пойдешь! — отрезал он, и жила на его лбу надулась багровым шнуром. — Слово мое отцовское, назад не воротится. Человек почтенный, при деньгах, свое дело имеет — гурты коров с самого Алтая в Сафоново перегоняет. На всю округу купец!

— Пойду только за Ивана, — Анна подняла на отца полные слез, но упрямые глаза. — Обещалась я ему.

Отец на мгновение осекся, а потом зло, презрительно усмехнулся:

— Так и это Иван! Иван Иванович жених-то твой будущий. Жизнь в шелку проведешь, дура!

— Не тот Иван! — вскрикнула Анна, и слеза наконец покатилась по ее бледной щеке. — Мой Иван — батрак твой, что впроголодь у нас на дворе спину гнет, а этот ваш... чужой он мне! Сердцу не прикажешь, тятя!

Лицо Максима потемнело от ярости. Он отпустил ее руку и замахнулся тяжелым кулаком, но сдержался, лишь ткнул пальцем в сторону горизонта, где за рекой угадывались монастырские стены.

— Тот, не тот — против слова отцовского пойдешь, так в монастырь отдам! — прорычал он, наклоняясь к самому ее лицу. — Будешь там до гробовой доски грехи свои замаливать да сухари святой водой размачивать, коли воле моей покориться не желаешь. Хлеб у меня есть кому оставить, а позор в доме терпеть не стану. Считаю до трех, Анька. Иди в дом, паршивая.

Анна подняла глаза на березовый ворот, и перед ней пронесся душный июльский полдень на усятских лугах. В тот год трава поднялась сочная, густая — по пояс. Отец, как обычно, нанял на покос пришлых людей, и среди них был Иван. Говорили, он бобылем живет, ни кола ни двора, подражается на тяжелую поденную работу, где придется. Там, на бескрайнем звенящем лугу, они и встретились.

Она вместе с другими бабами сгребала высушенную траву в копны. Воздух пах горькой полынью, медом и горячим потом. От непривычной жары кружилась голова. Вдруг коса одного

из мужиков свистнула слишком близко — Анна споткнулась о кочку, едва не упав прямо на острые зубья грабель. Но чьи-то сильные, загрубевшие от работы руки подхватили ее у самой земли.

Она подняла глаза и утонула в сером, спокойном взгляде. Это был Иван. На нем была пропотевшая, серая от пыли рубаха, на лбу выступили капли пота, а светлые волосы прилипли к вискам. Он не улыбался, но держал ее бережно, будто она была из хрупкого стекла.

— Осторожнее, девица, — тихо сказал он, отпуская ее. — Трава нынче тяжелая, косари умаялись, не ровен час — беда случится.

Весь оставшийся день Анна невзначай поглядывала в его сторону. Иван косил широко, размашисто, без усталости, уходя далеко вперед остальных батраков. Вечером, когда измученные люди сели у костра ужинать принесенным из деревни хлебом и молоком, он держался особняком. Сидел один, на краю поля, чинил треснувшее топориче.

Анна сама не поняла, как ноги привели ее к нему. Она протянула ему глиняную крынку: — На вот, испей, Иван. Холодное еще, из погреба.

Он удивленно взглянул на нее, вытер руки о штаны и принял крынку. Сделал несколько жадных глотков, а потом улыбнулся — впервые за весь день. Улыбка у него оказалась открытая, манящая, совсем не похожая на угрюмые лица других поденщиков.

— Спасибо, Анна Максимовна, — негромко, но промолвил он. — Твоя милость мне пуще дождя в засуху.

С того вечера у них и повелось. Пока отец пересчитывал копейки да проверял стога, они ухитрялись встречаться у лесной опушки. Иван рассказал, как мечтает скопить денег на собственную избу и коня, чтобы больше не гнуть спину на чужих людей. Он говорил просто, но в каждом слове чувствовалась такая сила и честность, что Анна поняла: пропала ее девичья душа. За этим бедняком она пошла бы на край света.

Но воспоминания оборвал суровый окрик отца. Анна вздрогнула, подхватила ведра и пошла к дому.

Тяжелое березовое коромысло больно давило на плечи, но она шла прямо, высоко поднимая голову, словно этот деревянный брус был ее единственной опорой. Два полных ведра до краев налились студеной водой; капли срывались на чистый пол, когда девушка перешагнула высокий порог отцовского дома.

В горнице стоял густой дух дорогого табака, жареного мяса и конского пота. За большим дубовым столом, покрытым нарядной скатертью, было шумно. Гости сидели вальяжно. Сам Иван Иванович — мужчина видный, в расшитом жилете поверх тонкой суконной рубахи, со смазанными дегтем сапогами — громко рассказывал Максиму о последней выгоде, полученной за алтайских коров в Сафонове. При виде Анны разговоры разом смолкли. Сваты довольно переглянулись: девка статная, здоровая, хозяйственная, ведра несет ровно, ни капли не прольет.

Анна молча, не поднимая глаз, прошла к кадушке в углу. Сняла коромысло, опустила ведра, а у самой руки дрожали так, что железные дужки звякнули на всю избу.

— Ну вот и невеста наша, — зычно хохотнул старший сват, потирая пухлые ладони. — Красавица, истинный бог, красавица! Для нашего Ивана Ивановича — первая пара на всю Томскую губернию. Подойди, девица, сядь к столу, не дичись.

Максим зыркнул на дочь тяжелым, предупреждающим взглядом. Анна послушно прошла к углу стола, но на предложенный стул не села — примостилась на самом краешке лавки, поджав под себя ноги, словно чужая в родном доме.

Началось долгое, томительное сватовство. Мужчины пили наливку, стучали чарками, хвалили женихово богатство, его лавки и табуны. Иван Иванович изредка бросал на Анну хозяйские, оценивающие взгляды, будто выбирал на ярмарке породистую кобылицу. А она сидела молча, уставившись в узор на скатерти. Перед глазами все плыло от подступающих слез.

Горло сдавило мертвой хваткой: казалось, закричи она сейчас — и вместо голоса вырвется рыдание.

Одна горячая слезинка все-таки сорвалась и упала прямо на ее расшитый рукав. Анна быстро прижала к лицу платок, молясь только об одном — чтобы тятя не заметил ее слабости прямо при женихе.

### Глава 3. Из Усят в Сафоново

Телега тяжело ухала на дорожных выбоинах, поднимая облака густой серой пыли. Сафоновский тракт тянулся среди бескрайних сибирских перелесков, уводя Анну все дальше от родных Усят, от приземистой мельницы и от серого, ласкового взгляды ее Ивана. Рядом на передке сидел отец, уверенно держа кожаные вожжи. Кони шли ровно, сыто фыркая. Максим вез дочь в Сафоново — знакомить с будущей родней и окончательно сговаривать свадьбу с Иваном Ивановичем.

Анна сидела позади отца на мешках, накрытых дерюгой. Ветер трепал подол ее нарядной юбки, но на душе было беспросветно и пусто. Пытаясь уйти от горьких мыслей о неминуемом венчании с нелюбимым, она уставилась на пробегавшие мимо верстовые столбы. Цифры на них, вырезанные глубоко и четко, неожиданно вернули ее в детство.

Анна вспомнила, как три года назад точно так же всматривалась в грифельную доску.

В Усятах церковно-приходская школа помещалась в крепком деревянном доме возле храма. Анна помнила, как робела в свой первый день, сжимая в кулачке новенький карандаш. Учиться ей глянулось сразу. Строгий, но добрый батюшка хвалил ее за прилежание: старославянские буквы давались ей легко, а счет она щелкала быстрее всех мальчишек в классе. За два года Анна не пропустила ни единого урока, бегая к школе и в лютый мороз, и в весеннюю распутицу. Учитель пророчил ей дорогу в уездную гимназию.

Кончилось все в один день, сразу после выпускного экзамена за второй класс. Анна прибежала домой запыхавшаяся, сияющая, бережно прижимая к груди похвальный лист из плотной бумаги с красивыми виньетками и царским орлом.

— Тятя! Глянь, чего батюшка дал! — с порога крикнула она, протягивая бумагу отцу, сидевшему за столом. — Сказал, ум у меня светлый, дальше учиться надо!

Максим даже не взглянул на нарядный лист. Он медленно отставил чашку с чаем, тяжело поднялся и вырвал бумагу из ее пальцев. Аннино сердце тогда оборвалось в первый раз. Отец, не читая, скомкал плотный лист в кулаке и со злостью швырнул его в топившуюся печь. Огонь жаднолизнул красивую грамоту, превращая Аннины мечты в черный пепел.

— Ишь, чего удумала, ученая выискалась, — каменно произнес Максим, нависая над испуганной девочкой. — Бабе много ума не нужно. В гимназиях этих только дурь в голову вбивают да против бога идти учат. Твое дело — у печи стоять, коров доить да мужу подчиняться. Тебе детей рожать нужно, а не книжки чужие листать!

На следующий день вместо школы отец вручил ей тяжелое веретено и отправил в хлев учиться прясть и обиходить скотину. Два класса — и вся наука. Больше за парту Анна не садилась.

#### Глава 3. Из Усят в Сафоново

Телега тяжело ухала на дорожных выбоинах, поднимая облака густой серой пыли. Сафоновский тракт тянулся среди бескрайних сибирских перелесков, уводя Анну все дальше от родных Усят, от приземистой мельницы и от серого, ласкового взгляды ее Ивана. Рядом на передке сидел отец, уверенно держа кожаные вожжи. Кони шли ровно, сыто фыркая. Максим вез дочь в Сафоново — знакомить с будущей родней и окончательно сговаривать свадьбу с Иваном Ивановичем.

Анна сидела позади отца на мешках, накрытых дерюгой. Ветер трепал подол ее нарядной юбки, но на душе было беспросветно и пусто. Пытаясь уйти от горьких мыслей о неминуемом венчании с нелюбимым, она уставилась на пробегавшие мимо верстовые столбы. Цифры на них, вырезанные глубоко и четко, неожиданно вернули ее в детство.

Анна вспомнила, как три года назад точно так же всматривалась в грифельную доску.

В Усятах церковно-приходская школа помещалась в крепком деревянном доме возле храма. Анна помнила, как робела в свой первый день, сжимая в кулачке новенький карандаш. Учиться ей глянулось сразу. Строгий, но добрый батюшка хвалил ее за прилежание: старославянские буквы давались ей легко, а счет она щелкала быстрее всех мальчишек в классе. За два года Анна не пропустила ни единого урока, бегая к школе и в лютый мороз, и в весеннюю распутицу. Учитель пророчил ей дорогу в уездную гимназию.

Кончилось все в один день, сразу после выпускного экзамена за второй класс. Анна прибежала домой запыхавшаяся, сияющая, бережно прижимая к груди похвальный лист из плотной бумаги с красивыми виньетками и царским орлом.

— Тятя! Глянь, чего батюшка дал! — с порога крикнула она, протягивая бумагу отцу, сидевшему за столом. — Сказал, ум у меня светлый, дальше учиться надо!

Максим даже не взглянул на нарядный лист. Он медленно отставил чашку с чаем, тяжело поднялся и вырвал бумагу из ее пальцев. Аннино сердце тогда оборвалось в первый раз. Отец, не читая, скомкал плотный лист в кулаке и со злостью швырнул его в топившуюся печь. Огонь жаднолизнул красивую грамоту, превращая Аннины мечты в черный пепел.

— Ишь, чего удумала, ученая выискалась, — каменно произнес Максим, нависая над испуганной девочкой. — Бабе много ума не нужно. В гимназиях этих только дурь в голову вбивают да против бога идти учат. Твое дело — у печи стоять, коров доить да мужу подчиняться. Тебе детей рожать нужно, а не книжки чужие листать!

На следующий день вместо школы отец вручил ей тяжелое веретено и отправил в хлев учиться прясть и обиходить скотину. Два класса — и вся наука. Больше за парту Анна не садилась.

## Глава 4 Усятская тоска.

В Усятах жизнь катилась по привычной колее, словно и не было никакого венчания в Сафонове. Но для Ивана луга опустели. Когда до деревни донеслась весть, что Анну обвенчали-таки с богатым гуртоправом Иваном Ивановичем, в груди у батрака будто выжгли всё дотла. Сила, которой он так гордился на сенокосе, разом ушла, оставив лишь злую, черную пустоту.

В тот же вечер Иван впервые в жизни пришел к усятскому кабаку. Зажав в кулаке последние поденные копейки, он потребовал водки. Пил молча, тяжело, не хмелея лицом, но калеча душу. Горькое вино не принесло облегчения, лишь разожгло внутри глухую ярость на несправедливую долю, на богатого купца Максима и на собственную нищету, из-за которой он не смог отнять любимую у сватов. С того дня Ивана редко видели трезвым. Работу он забросил, подряжался неохотно, только чтобы хватило на кабацкий угар. Из лучшего косаря в округе он быстро превратился в угрюмого, оборванного пропойцу.

Поздней осенью, когда усятские дороги развезло от первых заморозков, Ивана подобрала Марфа — молодая вдова, жившая на самом краю села. Ее муж год назад сгинул на приисках, оставив покосившуюся избенку да полный огород недоделанной мужской работы.

Марфа встретила Ивана у забора, когда тот едва брел из кабака, спотыкаясь о замерзшие комья грязи. Она молча плеснула ему теплой похлебки, уложила на теплую печь и не выгнала ни на следующий день, ни через неделю. Иван так и остался жить у нее.

Марфа встретила Ивана у забора, когда тот едва брел из кабака, спотыкаясь о замерзшие комья грязи. Она молча плеснула ему теплой похлебки, уложила на теплую печь и не выгнала ни на следующий день, ни через неделю. Иван так и остался жить у нее.

## Глава 5 Каменное гнездо.

Зима в Сафонове выдалась суровая, с ледяными ветрами, которые с воем кружили над замерзшей рекой. Новые дома из вековой лиственницы, срубленные Иваном Ивановичем и его братьями, стояли незыблемо, словно крепости. Тяжелые смолистые бревна, за лето притершиеся друг к другу, не пропускали внутрь ни единого сквозняка. В горнице всегда было тепло, жарко топились печь, а на столах не переводились белые калачи и соленая алтайская говядина. Иван Иванович оказался хозяином строгим, рачительным, но к молодой жене относился бережно — как к дорогой, ценной вещи, которую долго выторговывал и наконец заполучил в свою полную собственность. Он покупал Анне городские платки, привозил из уезда сладкие гостинцы и любил, чтобы за ужином она сидела рядом, нарядная и молчаливая.

Зима в Сафонове выдалась суровая, с ледяными ветрами, которые с воем кружили над замерзшей рекой. Новые дома из вековой лиственницы, срубленные Иваном Ивановичем и его братьями, стояли незыблемо, словно крепости. Тяжелые смолистые бревна, за лето притершиеся друг к другу, не пропускали внутрь ни единого сквозняка. В горнице всегда было тепло, жарко топились печь, а на столах не переводились белые калачи и соленая алтайская говядина. Иван Иванович оказался хозяином строгим, рачительным, но к молодой жене относился бережно — как к дорогой, ценной вещи, которую долго выторговывал и наконец заполучил в свою полную собственность. Он покупал Анне городские платки, привозил из уезда сладкие гостинцы и любил, чтобы за ужином она сидела рядом, нарядная и молчаливая.

Однако для Анны эта сытая, размеренная жизнь в лиственничном гнезде была не легче каторги. Каждое утро начиналось одинаково. Едва занималась заря, она выходила во двор, где за огромным приземистым амбаром уже кипела жизнь. Там, в своих дворах, сустились жены младших братьев Ивана Ивановича — Акулина и Дарья.

Сафоновские невестки приняли усятскую пришельцу настороженно. Они то и дело переглядывались, замечая Аннину бледность и ее вечно опущенные, полные скрытой грусти глаза.

— Что это наша молодая опять как в воду опущенная? — как-то утром, звякая ведрами у колодца, громко, чтобы Анна слышала, промолвила Акулина. — Муж в ней души не чает, шубу лисью сулит, а она ходит, словно по покойнику справляет сороковины. Уж не остался ли кто у нее там, в Усятах-то?

— Полно тебе, Акуля, — отозвалась Дарья, пряча усмешку в полушалок. — Вон, гляди, Иван Иванович идет. Неровен час, услышит — не сносить тебе головы. Он у нас крут, чужого не потерпит.

Анна слышала эти разговоры, но лишь крепче сжимала пальцы, проходя мимо амбара. Обида и одиночество жгли сердце. Рассказать о своей тоске ей было некому. Муж видел в ней лишь украшение своего богатого дома, а его братья и невестки — чужачку, за которой нужно строго присматривать.

Ближе к весне в доме Ивана Ивановича начали собираться мужчины. Братья подолгу сидели в горнице, расстелив на столе старые засаленные карты дорог, курили крепкий табак и вели разговоры о грядущем деле. Скрывались последние снега, вскрывались ото льда реки — подходило время собираться в новый большой перегон скота с Алтая. Иван Иванович соби-  
рался лично возглавить гурт. Но прежде съездить к тестю.

## Глава 6 Вечерние посиделки.

Всю зиму и начало весны Анна почти не выходила за ворота лиственничного подворья. Дни тянулись серой, бесконечной чередой: стряпня, уборка, обиход скотины да бесконечное ожидание мужа. Единственной отдушиной стали редкие вечерние посиделки у жен младших братьев Ивана Ивановича или у ближайших сафоновских соседей. На эти супрядки собирались только бабы и девки. Каждая приносила с собой рукоделье — кто пряжу, кто вязанье, кто холст для вышивания.

В просторных горницах под тихий треск лучины звенели веретена, мелькали костяные спицы и разносились протяжные, грустные сибирские песни. Здесь, за работой, сафоновские женщины делились новостями и нехитрыми девичьими тайнами. Анна усаживалась в самый дальний угол, поближе к тени, и молча принималась за вышивание рушника. Руки ее механически вели иглу с красной нитью, выводя узоры, а мысли улетали далеко назад, к усятскому колодцу.

Мужчин на этих посиделках никогда не было — в Сафонове у них не водилось пустого времени. Вся жизнь братьев подчинялась строгому круговороту сибирских сезонов. Едва ставал плотный снег, они уходили в тайгу валить строевой лес. Чуть подсыхала земля — выводили плуги пахать жирные усятские и сафоновские пашни, затем без усталости сеяли овес и пшеницу, зная, что весенний день целый год кормит. Только закончат сев — пора готовить коней и седла к дальнему алтайскому перегону. Мужчины приходили в избы только затемно, черные от работы, пахнущие землей, дегтем и потом, и сразу валились спать.

В один из таких тихих женских вечеров у Акулины Анна сидела над очередным холстом. В горнице было душно от пара, исходившего от сохнувших у печи лучин, и густого запаха овечьей шерсти. Вдруг бабы затянули старинную, тоскливую песню о доле замужней чужанки. Какое-то слово в песне — то ли про разлуку, то ли про немилую сторону — больно резануло Анну по сердцу.

Вдруг к горлу подступила резкая, дурнотная тошнота. Воздуха в комнате разом не хватило, а перед глазами поплыли темные круги. Игла выпала из онемевших пальцев, затерявшись в складках юбки. Анна судорожно прижала ладонь к груди, пытаясь перевести дыхание. Сердце заколотилось как безумное, но не от страха. Внизу живота разлилось странное, непривычное тепло, и Анна, похолодев от внезапной догадки, опустила дрожащую руку на свой живот.

Женщины вокруг продолжали петь и смеяться, не замечая ее состояния. А Анна сидела, боясь пошевелиться, оглушенная страшной и одновременно великой тайной. Внутри нее, под сердцем, зародилась новая жизнь. Ребенок Ивана Ивановича, законный наследник этого огромного лиственничного дома и алтайских табунов. Эта весть окончательно привязывала ее к нелюбимому мужу, обрубая последние невидимые нити, связывавшие ее с бедным усятским батраком.

## Глава 7 Весть перед дорогой.

Вечером, когда мужчины вернулись с пашни, в доме пахло парной землей и сыростью. Иван Иванович, уставший после долгого дня за плугом, молча съел кашу, выпил и тяжело сел на лавку у окна, заточивая нож для предстоящего алтайского похода. На дворе уже густели сумерки, за амбаром затихали голоса братьев, возвращавшихся в свои избы.

Анна долго переминалась у печи, вытирая руки о фартук. Сердце колотилось в самые ребра. Наконец, набравшись духу, она тихо подошла к мужу и остановилась чуть позади.

— Иван Иванович... — негромко позвала она.

— Чего тебе, Аня? Аль случилось чего?

Анна опустила глаза, чувствуя, как горячая краска заливает щеки, и тихо, но отчетливо произнесла:

— Ребенок у нас будет, тятя. Под сердцем ношу.

Иван Иванович на мгновение замер. Нож так и остался лежать на его широкой ладони. Он медленно поднялся с лавки, смерил жену долгим, тяжелым взглядом, словно проверял, правду ли она говорит. В его серых купеческих глазах сначала мелькнуло удивление, а затем лицо разгладилось, и губы тронула редкая, довольная усмешка. Для сибирского хозяина не было вести лучше — дом из вековой лиственницы требовал наследника, продолжателя богатого гуртоправного дела.

Он шагнул к Анне, взял ее за плечи своими огромными, загрузевшими от вечной работы руками и крепко прижал к себе. Пахло от него чесноком, табачным дымом и конским потом.

— Вот это дело, — густо пробасил он, и в голосе его прозвучала неподдельная, гордая радость. — Вот за это спасибо, жена. Значит, не зря я Максиму серебро за тебя отсыпал. Наследника мне родишь, Ивана Ивановича-младшего! Теперь у меня на Алтае рука еще тверже будет, есть ради кого табуны гонять.

Он отпустил ее, бережно, по-хозяйски погладил по плечу и добавил уже строже, по привычке отдавая приказы:

— С завтрашнего дня тяжелого не носить. К колодцу за амбар пускай Акулина с Дарьей ходят, я им сам накажу. Твое дело — дитя беречь. Уеду я на Алтай со спокойной душой.

Анна послушно кивнула, уткнувшись взглядом в пол. Муж радовался, а у нее на душе скребли кошки. Этот ребенок, которого она уже любила материнским сердцем, окончательно заколотил двери в ее прошлое. Теперь она была не просто замужней чужанкой в Сафонове, она становилась корнем этого лиственничного гнезда, и пути назад, к бедному усятскому батраку Ивану, у нее больше не было.

## Глава 8 Две вести.

Весенний перегон коней требовал от братьев полной отдачи. Основной маршрут на Алтай в сторону Ельцовки лежал через Кара-Чумыш и Томзавод, и задерживать гурт было нельзя. Поэтому Иван Иванович съездил к тестю в Усяты сам, совершенно отдельно от братьев. Максим встретил зятя на широком купеческом дворе, велел подать на стол лучшую наливку и зажарить гуся. Когда за чаем Иван Иванович веско, с гордостью объявил, что Анна носит под сердцем первенца, Максим от радости трижды перекрестился на образа и довольно погладил окладистую бороду. Купеческое слово устояло, род ширился, а наперекор отцовской воле девка пойти так и не посмела. Тесть с зятем обнялись, выпили за здоровье будущего наследника, и только после этой поездки Иван Иванович вернулся к братьям и повел свои основные отряды через Кара-Чумышские перевалы дальше на Алтайский тракт.

В Сафонове время для Анны потекло на удивление тихо и мирно. Вопреки страхам, беременность ее проходила легко, словно само небо хранило дитя. Не было ни утренней дурноты, ни тяжести в ногах. Лицо Анны округлилось, посвежело, на щеках проступил здоровый румянец, а в глазах вместо прежней колючей тоски разлился глубокий, умиротворенный покой. Она послушно исполняла наказ мужа: тяжелую работу по двору не брала, ведрами у колодца за амбаром больше не звякала. Акулина и Дарья, хоть и ворчали поначалу на уступки молодой хозяйке, против воли старшего брата идти не смели и сами носили ей воду. Анна целыми днями сидела у окна в прохладной лиственничной горнице, шила крохотные распашонки из мягкого батиста и слушала, как за стеной шумит ласковый летний ветер.

Она и не ведала, что в тех самых Усятах, откуда только что уехал ее гордый муж, завязался точно такой же узелок новой жизни.

В покосившейся избе на краю села молодая вдова Марфа тоже ходила тяжелая. С тех пор как батрак Иван поселился у нее, она расцвела, окружила его такой заботой и теплом, каких одинокий бобыль никогда не знал. Известие о том, что у Анны будет ребенок, окончательно прибило его к усятской земле. Он больше не бегал к кабаку, не искал забвения в вине — хмель отступил, уступив место суровой, молчаливой покорности судьбе. Узнав, что и Марфа носит от него дитя, Иван окончательно смирился. Ради будущего ребенка он с удвоенной силой взялся за хозяйство вдовы: перебрал крышу, поправил забор и нанялся на постоянную работу к местному мельнику. Две жизни, когда-то крепко связанные на июльском сенокосе, теперь окончательно разошлись, и каждая пускала свои собственные, глубокие корни в чужую почву.

## Глава 9 Братья.

Пока Иван Иванович был на Алтае, за огромным листовничным подворьем в Сафонове присматривал его средний брат Дмитрий. Среди троих братьев он отличался особым, рассудительным и спокойным нравом. Если старший Иван правил семьей и делом твердой, купеческой рукой, а младший Степан был вспыльчив да весел, то Дмитрий всегда оставался головой хозяйства. Он следил за амбарами, вел учет зерна, проверял, исправны ли телеги и сыты ли кони, оставшиеся на подворье.

Анна часто видела его из окна своей горницы. Дмитрий работал не спеша, но споро, и к молодой невестке относился с неизменным уважением. Именно он строго прикрикнул на своих Акулину и Дарью, когда те вздумали было снова ворчать из-за того, что Анне по весне за водой ходить не дозволено.

— Наказ старшего брата — закон в доме, — веско отрезал Дмитрий, вытирая пот со лба после починки тележного колеса у амбара. — Анна наследника родовой земле носит. Глупости свои бабьи оставьте, а ведра сами до кадушки донесете, руки не отвалятся.

Жены притихли, а Анна была глубоко благодарна среднему брату за эту защиту. Благодаря ему остаток лета в Сафонове прошел без домашних ссор. Беременность Анны по-прежнему текла легко, и к началу осени, когда сибирские леса под Сафоновом подернулись первой золотой проседью, пришло время возвращения гуртовщиков.

Иван Иванович и младший Степан вернулись из Ельцовки через Кара-Чумыш уставшие, обветренные, но с богатой прибылью. Лошади на Алтае стоили дорого, и перегон принес братьям солидный капитал. Прямо с порога, едва сбросив дорожный плащ, пахнувший таежной пылью и лошадьми, Иван Иванович прошел в горницу к жене. Дмитрий уже успел доложить старшему брату, что в доме все целы, а Анна берегла себя, как велено.

Купец подошел к округлившейся, посвежевшей Анне, ласково приобнял ее одной рукой и вытащил из кармана тяжелый узелок. Развязав его, он выложил на стол шикарный подарок — нарядную шерстяную шаль с шелковой бахромой и дорогими узорами, купленную у проезжих торговцев, и серебряные сережки уездной работы.

— Вот тебе, Анюта, за послушание да за сына, которого ждем, — довольно произнес Иван Иванович, оглядывая жену хозяйским, но теплыми глазами. — Дмитрий сказал, вела себя тихо, смирно. Скоро рожать тебе, так носи на радость.

Анна приняла подарок, тихо поблагодарила мужа и прижала к себе мягкую ткань. Шаль была красивой, дорогой, о такой в Усятах девки могли только мечтать. Но, глядя на довольное лицо мужа, на вернувшихся братьев и на крепкие листовничные стены, она окончательно поняла: ее новая жизнь здесь пустила такие глубокие корни, что прошлая усятская любовь осталась лишь далеким, несбыточным сном.

## Глава 10 Чужая радость.

Заботу и мягкость Дмитрия к беременной Анне в доме понимали по-своему. За его строгими наказаниями женам скрывалась глубокая, застарелая семейная боль. Дмитрий был женат на Акулине уже седьмой год, но бог детей им так и не дал. В те времена на зажиточном сибирском подворье бездетность считалась большим несчастьем и тайным позором. Дмитрий никогда не попрекал жену вслух, не поднимал на нее руку, но каждую весну, глядя на чужих ребятишек, его спокойное лицо становилось хмурым и замкнутым. Родовая усадьба из вековой лиственницы росла, амбары ломились от зерна, а на коленях у среднего брата качать было некого. Именно поэтому известие о беременности Анны он принял близко к сердцу — если уж не судил господь ему стать отцом, то пускай хотя бы у старшего брата Ивана дом наполнится детским плачем и смехом.

Осень под Сафоновом затянула небо серыми свинцовыми тучами. По утрам на лужах за амбаром схватывался первый прозрачный лед, а в лесу у Кара-Чумыша завывали холодные ветры. В один из таких сырых, промозглых дней у Анны начались роды.

Дом Ивана Ивановича разом затих, почуяв важность минуты. Из деревни поспешно привезли бабку-повитуху, седую и расторопную. Иван Иванович, обычно такой уверенный и громкий, места себе не находил: ходил ходуном по двору, без конца проверял затворы у амбаров и то и дело подходил к окнам горницы, прислушиваясь к глухим стонам жены. Дмитрий сидел рядом на крыльце, молча стругал березовую щепу и лишь изредка ободряюще хлопал брата по тяжелому плечу.

К полуночи, когда в трубах завыл настоящий осенний буран, из-за двери наконец раздался звонкий, требовательный крик. Повитуха вышла в сени, утирая потное лицо фартуком, и победно улыбнулась:

— Ну, Иван Иванович, встречай! Сын у тебя! Богатырь, в деда Максима пошел, кричит на всю округу!

Купец тяжело перекрестился на темное небо и впервые за много месяцев облегченно, счастливо рассмеялся. Он шагнул в избу, спеша увидеть наследника. А Дмитрий так и остался сидеть на крыльце под падающим мокрым снегом. Он смотрел на светящееся окошко горницы, и в его добрых глазах смешались искренняя радость за брата и тихая, неизбывная тоска по своему, так и не рожденному дитяти.

В ту же самую ночь в Усятах, в маленькой избе на краю села, Марфа тоже родила мальчика. Батрак Иван сам принимал ребенка у измученной вдовы, бережно укутывая пищущий комочек в старую, но чистую холщовую рубаху. Два мальчика родились под одним сибирским небом в одну ночь. Один — наследник богатых лиственничных палат и алтайских табунов, второй — сын бедного поденщика, у которого за душой не было ничего, кроме отцовской любви и верных рабочих рук.

## Глава 11 Год пятнадцатый.

Мирная, сытая жизнь в Сафонове оборвалась внезапно. Шел грозный 1915 год — Вторая Отечественная война, названная позже Первой мировой, уже всю катилась по Российской империи, докатившись своими черными приказами и до далекой Томской губернии. Царские манифесты о мобилизации читали на площадях, и вскоре волостной писарь выписал повестки. Забирали всех подряд, не глядя на богатство, сословия и купеческие лавки.

Подворье из вековой лиственницы в одночасье осиротело. На службу ратную призвали сразу троих братьев — и старшего Ивана Ивановича, и среднего Дмитрия, и младшего Степана. Перед самым уездом на сборный пункт Иван Иванович долго стоял в горнице, крепко прижимая к груди подросшего годовалого сынишку Ванюшу, а после строго посмотрел на бледную, безмолвную Анну.

Подворье из вековой лиственницы в одночасье осиротело. На службу ратную призвали сразу троих братьев — и старшего Ивана Ивановича, и среднего Дмитрия, и младшего Степана. Перед самым уездом на сборный пункт Иван Иванович долго стоял в горнице, крепко прижимая к груди подросшего годовалого сынишку Ванюшу, а после строго посмотрел на бледную, безмолвную Анну.

В ту же неделю в Усятах плач стоял над всей рекой. Из покосившейся избы на краю села забирали Ивана Воробьева — бывшего батрака, который только-только успел зажить тихой семейной жизнью с Марфой и маленьким сыном. Иван шел среди других усятских мужиков угрюмый, подтянутый, с сухими глазами. Марфа бежала следом по пыльной дороге, голосила на всю деревню, прижимая к груди плачущего сынишку, но остановить колесо войны было не в человеческих силах. Перед отправкой на станцию Иван Воробьев обернулся, поклонился усятским лугам, где когда-то встретил свою первую и единственную любовь, и шагнул в строй.

Сибирь пустела на глазах. На огромном сафоновском подворье за приземистым амбаром теперь остались лишь три женщины: Анна, Акулина и Дарья. Вся тяжелая мужская работа — колоть дрова, чинить загоны, ухаживать за скотиной и следить за запасами зерна — легла на их плечи. Акулина, тоскуя по своему бездетному Дмитрию, больше не ворчала на Анну; общая беда и гнетущая неизвестность сплотили невесток. Мужчины уходили на фронт в одном призыве, в кузнечные маршевые роты, и никто из них не знал, свидится ли снова у родного лиственничного крыльца. Начиналось долгое, тревожное ожидание писем с передовой.

## Глава 12 Сирота.

Зима 1915 года навалилась на Сафоново свирепыми, лютыми морозами. Снега намело столько, что листовенничные дома братьев за амбаром стояли погребенные чуть не по самые крыши. Женщины с трудом прорубали в сугробах узкие тропинки к колодцу и хлеву. От мужчин с фронта вестей почти не было, а те, что доходили, пугали окопным холодом, гнилыми болотами да страшной немецкой артиллерией.

В самый канун Николы Зимнего в Сафоново пришла первая черная весть. На окраину села, в избу к соседке Марфе Воробьевой — той самой усятской вдове, что перебралась в Сафоново вслед за мужем Иваном перед войной — принесли похоронку. Батрак Иван Воробьев погиб в первых же жестоких боях в Галиции. Марфа, оставшись одна с маленьким сыном Ванюшкой в чужом селе, удержать это горе не смогла. Отчаяние и злая тоска толкнули ее к старой усятской привычке. В ту же ночь она напилась с горя беспробудно, до беспамятства, и в метель не удержалась на ногах — заснула прямо под чужим листовенничным забором. К утру, когда буран утих, соседи нашли ее уже окоченевшей.

Мать похоронили на сафоновском кладбище в мерзлой, каменистой земле, а двухлетний Ванюшка остался круглой сиротой в опустевшей, выстуженной избе.

Анна сидела у печи в своей теплой горнице, качая на коленях своего маленького сынишку Ванечку, как вдруг тяжелая дубовая дверь сеней тихо скрипнула. На пороге показался маленький, скорчившийся от холода комочек. Ванюшка Воробьев прибрел через сугробы сам, ведомый детским чутьем. На нем была потрепанная, худая одежонка, личико посинело от лютой стужи, а из глаз текли слезы, мгновенно превращаясь в ледышки на щеках. Ребенок дрожал всем телом и только тихо, жалобно шептал пересохшими губами: «Хлебца... Тетя Аня, хлебца...»

Аннино сердце облилось кровью. Забыв обо всем на свете, она бросилась к сироте, подхватила его на руки, прижала к груди и заплакала сама. Это был сын ее первой, потерянной любви — ее Ивана, который теперь лежал в сырой земле далекой Галиции. В усятской черноволосой головке сироты она видела черты того самого батрака с июльского сенокоса. Анна быстро раздела мальчика, укутала его в ту самую дорогую шерстяную шаль, что подарил ей муж, напоила теплым молоком и уложила на печь рядом со своим сыном. К вечеру Ванюшка отогрелся и уснул, крепко сжимая ее палец своей крохотной ручкой.

Через два дня староста созвал в селе большой сход. Народу в волостную избу набилось много — в основном бабы, старики да деверь Дмитрий, приехавший на побывку после легкого ранения. Решали судьбу сиротского ребенка: кому забирать мальчишку, ведь в Сафонове у Воробьевых близкой родни не осталось, а отдавать дитя в приют зажиточные сибиряки не хотели.

Староста, строго поправив очки, посадил испуганного Ванюшку на стол перед миром и спросил громко, на всю избу:— Ну, Иван Иванович младший, сирота ты теперь под богом. Родни твоей тут нет. Говори перед миром честно, у кого жить желаешь? Кто тебя пригреет?

Бабы заохали, Акулина с Дарьей переглянулись, а маленький Ванюшка обвел глазами притихшую толпу, увидел в заднем ряду бледное лицо Анны Максимовны и уверенно ткнул в ее сторону пальчиком.

— У Анны Максимовны, — звонко и твердо ответил ребенок, и на его худеньком личике впервые за эти дни показалась робкая улыбка. — К ней пойду.

На сходе наступила мертвая тишина. Все знали, что муж Анны воюет, и растить чужого ребенка от погибшего бедного батрака в купеческом доме — дело непростое. Но Анна вышла вперед, высоко подняв голову, и твердо объявила общине: «Я забираю мальчишку. Моего хлеба

на двоих Ванек хватит». Так сын усятского батрака вошел в богатый лиственничный дом своего соперника.

## Глава 13 Возвращение.

Долгие фронтовые дороги наконец привели братьев назад к родному порогу. К исходу войны, пережив окопную грязь, немецкие шрапнели и лихие революционные бури, все три брата — Иван Иванович, Дмитрий и Степан — вернулись в Сафоново. Вернулись живыми, хоть и израненными, повзрослевшими и опаленными войной. Больше не было в них прежней купеческой спеси: фронт уравнил всех, показав цену человеческой жизни, когда и богач, и бедняк делили в окопе один сухарь на двоих и укрывались от снарядов одной шинелью.

Когда у ворот зазвенели колокольчики и слышались зычные, до боли знакомые голоса мужчин, Анна выбежала на крыльцо, прижимая к себе двоих мальчишек. Маленькие тезки — купеческий сын Ванечка и сирота Ванюшка Воробьев — испуганно жались к ее подолу, широко раскрытыми глазами глядя на незнакомых усатых солдат в серых шинелях.

Иван Иванович шагнул во двор первым. Он сильно прихрамывал на левую ногу, а широкая борода была густо тронута сединой. Сбросив на землю тяжелый вещевой мешок, он сгреб Анну в охапку вместе с обоими детьми. Следом во двор вошли Дмитрий и Степан, которых тут же с плачем встретили Акулина и Дарья. Подворье из вековой лиственницы после долгих лет разлуки снова наполнилось живыми голосами.

Когда первые слезы радости утихли, вся большая семья собралась в просторной горнице старшего брата. Иван Иванович сидел во главе стола, бережно держа на коленях своего родного сына Ванечку. Напротив него, спрятавшись за Анну, стоял маленький худенький Ванюшка Воробьев в чистой ситцевой рубаше. Наступила та самая минута, которой Анна боялась больше всего на свете. Она сжала дрожащие пальцы и тихо, но прямо глядя в глаза мужу, сказала:

— Иван Иванович... Это Ванюшка, Воробьевых сын. Марфа в ту лютую зиму под забором замерзла, как похоронку на мужа получила. Мальчишка сам ко мне пришел, обмороженный весь. На сходе мир спросил его, где жить хочет, так он ко мне потянулся. Не смогла я сироту на улицу выставить. Прости, коли разгневала.

В горнице сделалось тихо. Акулина и Дарья замерли, ожидая, что крутой нравом старший брат сейчас разразится громом. Дмитрий, сидевший у окна, медленно перекрестился на образа и внимательно посмотрел на Ивана Ивановича.

На сходе наступила мертвая тишина. Все знали, что муж Анны воюет, и растить чужого ребенка от погибшего бедного батрака в купеческом доме — дело непростое. Но Анна вышла вперед, высоко подняв голову, и твердо объявила общине: «Я забираю мальчишку. Моего хлеба на двоих Ванек хватит». Так сын усятского батрака вошел в богатый лиственничный дом своего соперника.

Он тяжело поднялся, подошел к Ванюшке Воробьеву и опустился перед ним на одно колено, став с ребенком одного роста. Его огромная, покрытая шрамами ладонь легла на стриженую голову сироты.

— Ну, здравствуй, тезка, — густо, но удивительно мягко произнес Иван Иванович. — Иван Иванович и Иван Воробьев... Хорошее имя тебе отец дал. На фронте мы с твоим тятей, может, из одного котелка не ели, но одну землю от врага защищали. Смелый ты парень, раз сам дорогу в этот дом нашел. Добро пожаловать в семью.

Анна беззвучно заплакала, но это были слезы великого облегчения.

Тут из-за стола поднялся средний брат Дмитрий. На его лице, обычно суровом, показалась добрая, теплая улыбка. Он подошел к мальчику и веско добавил:

— Правильно сделал, брат, что принял. Раз бог мне своих детей не дал, так пускай у нас на подворье двое Ванек растут. Места за амбарами много, лиственница наша крепкая, на всех тепла хватит. Будем парня на ноги вместе ставить, делу нашему гуртоправному учить. Словом и делом поможем.

Младший Степан весело хохотнул, подмигнув притихшему ребенку:

Так, добрым словом и настоящим делом, три брата приняли новоявленного сына в свое родовое гнездо. Сын усятского батрака обрел новую, сильную семью, а старая вражда и обиды навсегда остались погребены под обломками ушедшей войны.

## Глава 14 Смута.

Смутное время налетело на Сафоново, как лютая таежная буря. Старая жизнь рухнула, и в село один за другим стали навешиваться незванные гости. Из уезда постоянно ходили столоваться то красные в суконных шлемах-буденовках, то белые при погонах, то лесные отряды зеленых. Каждая новая банда объявляла себя настоящей властью, требовала овес, резала скотину и подчищала крестьянские сусеки. Огромные амбары братьев за лиственничным забором быстро опустели — все зерно подчистую выгребли на нужды воюющих армий. Сафоновские мужики только зубами скрипели, глядя, как плоды их многолетнего каторжного труда уходят на нужды тех, кто без конца «устанавливал власть».

Иван Иванович быстро понял, что бывшая купеческая гордость теперь может стоить жизни всей семье. Чтобы уберечь подворье от полного разорения, он пошел на хитрость. Всех породистых алтайских коней, на которых раньше засматривалась вся округа, братья тайно угнали и спрятали в глухом таежном логоу за Кара-Чумышем. Сам же Иван Иванович пересел на старого, неприглядного серого мерина. Лошадь была костлявая, хромала на одну ногу и выглядела настолько жалко, что ни один реквизиционный отряд не хотел брать ее в зачет.

Однажды в усадьбу ворвался конный разъезд красных. Командир, злой и запыленный, оглядел пустой двор и наткнулся взглядом на старого мерина.

— Это что за одр? — брезгливо сплюнул он. — Сюда, бойцы! Седло снимите, у него лука крепкая, нашему комиссару взамен пробитого пойдет. А клячу эту бросьте, она до соседней деревни не дойдет.

Красноармейцы быстро перекинули добротное кавалерийское седло на своего коня, а взамен бросили на спину мерина старую, драную попону. Мерин реквизиторам не приглянулся, и его оставили во дворе. Иван Иванович, стоявший у крыльца в поношенном армяке, лишь молча поклонился, радуясь в душе, что кони в тайге целы, а бабы успели спрятать детей на сеновале.

Но самая страшная беда пришла в Сафоново в конце лета, когда в село вновь вошел крупный карательный отряд красных после тяжелого боя с зелеными партизанами. На деревенской площади стоял гул от голосов, ржали кони, а командиры допрашивали местных стариков. В этот момент из переулка выскочила Дарьюшка — деревенская дурочка, которую в Сафонове знал каждый. Она была безобидной, ходила в рваном сарафане, блаженно улыбалась и часто ляпала то, что приходило в ее немудреную голову.

Увидев измученных, злых солдат, Дарьюшка радостно захлопала в ладоши и громко, на всю площадь, прокричала:— Ой, глядите-ка! Вот это наши вашим дали! Ох, дали, так дали! Надавали по шее, насили утекли!

Лицо красного командира мгновенно потемнело от ярости. Проигранный у Кара-Чумыша бой и без того жег ему душу, а тут над павшими бойцами открыто насмехались.

— Шпионка! Белогвардейская пособница! — рявкнул он, выхватывая наган. — К забору ее!

Селяне разом так и ахнули. Со всех сторон к отряду бросились мужики и бабы. Вперед выбежал староста, а за ним и Иван Иванович с братом Дмитрием.

— Помилуй, начальник! Не губи душу! — закричали мужики, шапки снимая. — Да она же блаженная у нас! Дурочка деревенская, с детства умом тронутая! Она и слов-то таких не понимает, что мелет! Заступаемся за нее всем селом, грех это — без вины казнить!

— Назад! — гаркнул конный конвой, вскидывая винтовки и оттесняя толпу прикладами. — Смуту сеет в тылу революционной армии! Расстрелять на месте за измену!

Дарюшка даже испугаться не успела. Она все так же глупо и ласково улыбалась солдатам, пока двое бойцов тащили ее к глухой стене амбара. Сухой винтовочный залп разорвал тишину Сафонова. Блаженная упала на примятую траву, и ее чистая, немудреная душа отлетела к богу.

Красные ушли из села к вечеру, оставив за собой вычищенные закрома и ледящий страх. Сафоновцы молча похоронили дурочку на краю кладбища. Иван Иванович, вернувшись в свой притихший лиственничный дом, долго сидел у окна, крепко обняв двоих маленьких Ванек. Смута не щадила ни богатых, ни бедных, ни праведных, ни безумных, и сибирской земле предстояло выпить еще много горькой чаши, прежде чем наступит долгожданный мир.

## Глава 15 Новые всходы.

Лихие годы Гражданской войны постепенно отгремели, уступив место новой, непривычной советской жизни. Сафоново понемногу залечивало раны: опустевшие в смуту амбары за листовничным забором вновь начали заполняться зерном, хотя прежнего купеческого размаха уже не было. Землю приходилось пахать под строгим присмотром волостных продотрядов. Но жизнь, вопреки всем историческим сломам, упрямо брала свое. Вслед за тяжелыми испытаниями в крепкий листовничный дом Ивана Ивановича пришла новая, тихая радость. С разницей в несколько лет у Анны Максимовны родились еще двое детей — дочка Евдокия, названная в народе просто Дуняшей, и младший сын Костя.

С появлением младших дом окончательно превратился в шумное, живое гнездо. Подросшие тезки — купеческий сын Ванечка и сирота Ванюшка Воробьев, которым пошел уже одиннадцатый год — стали для малышей главной опорой. Они нянчили Дуняшу, катали ее на деревянной тележке, которую смастерил дядя Дмитрий, и строго следили, чтобы маленький Костя не лез к колодцу с березовым воротом. Мальчишки росли неразлейвода. Никто в селе уже и не вспоминал, что Ванюшка Воробьев — приемыш, сын бедного усятского батрака. Иван Иванович одинаково справлял обоим парням крепкие сапоги, а средний брат Дмитрий, у которого своих детей так и не появилось, всю нерастраченную отцовскую любовь отдавал этой четверке, терпеливо обучая мальчишек управляться со скотиной и ходить за плугом.

Анна Максимовна теперь редко сидела у окна со своим старым вышиванием — забот в большой семье прибавилось вдвое. Печь приходилось топить с первыми петухами, чтобы напечь хлеба на шесть ртов, не считая мужчин. Но когда по вечерам вся семья собиралась в просторной горнице, Анна смотрела на своих четверых детей и чувствовала, как унимается старая усятская боль в ее сердце.

Дуняша росла точной копией матери — такие же упрямые, но добрые глаза, длинная русая коса, а маленький Костя унаследовал твердый, спокойный взгляд деда Максима. Глядя, как муж Иван Иванович бережно катает на плечах хохочущего Костю, а Ванюшка Воробьев помогает Дуняше распутывать нитки для вязания, Анна понимала: вековая листовница, из которой братья когда-то срубили этот дом, пустила новые, глубокие и сильные всходы, способные пережить любую смуту.

**Гл**

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.